

ТЕОРИЯ ПОЛЯ ЛЕВИНА (II)

Модель окружения

Наблюдая поведение людей в различных ситуациях, Левин стремился выявить психологическую структуру окружающего мира как пространства действия. Ему удалось установить примечательные различия между психологической и географической структурой мира, особенно если последняя описывается в евклидовой системе координат. Наблюдения такого рода Левин провел еще фронтовиком, во время первой мировой войны. Они описаны в его первой психологической публикации "Военный ландшафт" [K. Lewin, 1917b]. Представления о протяженности отрезков пути в аналогичных участках ландшафта на фронте по сравнению с тылом полностью меняются. Если требуется достичь близлежащего в географическом отношении места, то на фронте в качестве непреодолимых препятствий могут оказаться все легко преодолимые и ведущие непосредственно к цели участки, если они не скрыты от наблюдения противника. В условиях возможного вмешательства неприятеля петляющая и укрытая от посторонних глаз тропинка психологически становится наикратчайшим путем к цели, даже если с географической точки зрения она является окольной дорогой (психологически она так не переживается). Позднее Левин часто снимал на пленку поведение детей в свободной ситуации, например на игровой площадке, а потом анализировал психологическое пространство передвижения детей среди окружающих объектов (примером тому служит представленная на рис. 4.11 схема передвижения ребенка в конфликтной ситуации: он хочет вернуть своего попавшего в воду игрушечного лебедя, но боится волн).

Направление возможного или реально происходящего действия должно быть представлено в модели окружения в психологическом, а не в географическом пространстве. Психологическое пространство, или поле, состоит из различных областей, которые структурируют не пространство в собственном (географическом) смысле слова, а психологически возможные действия и события. Часть из таких областей соответствует возможным позитивным и негативным событиям целевые регионы с позитивной валентностью и регионы опасности с негативной валентностью. Остальные области представляют инструментальные возможности действия, использование которых приближает к целевому региону или отдаляет от региона опасности. Они имеют, таким образом, значение средства действия. В одной из областей модели окружения находится сам субъект, представляемый точкой или кружком. Чтобы достичь целевого региона с позитивной валентностью, субъект должен одну за другой "перебрать" все области, лежащие между ним и целевым объектом, преодолеть их в действии. Если, например, кто-то хочет купить автомобиль и самостоятельно им управлять, он должен получить водительские права, скопить деньги, явиться в место продажи автомобилей, обратиться к продавцу и т. д.

Модель окружения не столько объясняет, сколько описывает ведущие к достижению искомой цели или позволяющие избежать нежелательных событий возможные действия, какими они представляются субъекту в данном жизненном положении. Таким образом, она позволяет описать когнитивную репрезентацию соотношений средств и цели, которые субъект структурирует, исходя из своих возможных действий и их результатов. Другими словами, речь идет о мотивирующих ожиданиях, структурного компонента модели окружения.

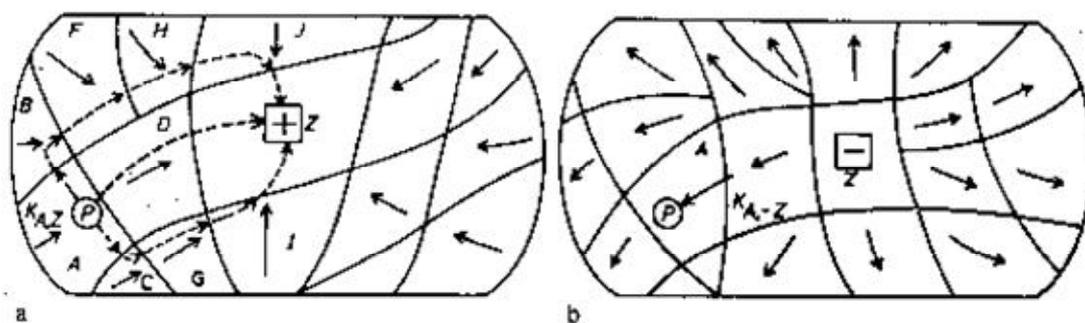

Рис. 5.4 Модель окружения, представленного в виде позитивного и негативного поля сил. В позитивном поле (а) все силы направлены на объект цели Z. Действующая на личность сила Ka-z соответствует позитивному требовательному характеру (валентности), если личность находится в области A, а цель — в области Z. Чтобы попасть в область цели Z, имеются три возможных пути, каждый из которых предполагает прохождение разного числа промежуточных областей (лей ствиш) A—D—Z; A—C—G—I—Z; A—B—F—H—J—Z. В негативном поле (b) все силы направлены от области Z. Действующая на личность в области A сила Ka-z соответствует негативному требовательному характеру Z.

Динамическим компонентом модели окружения является поле сил, центр которого может лежать, как это изображено на рис. 5.4, в областях с позитивной или негативной валентностью. На субъекта воздействуют силы определенной интенсивности, и их результирующий вектор определяет направление и силу его психических локомоций. Если же в противоположном направлении действуют силы приблизительно такой же интенсивности, возникает конфликт. Направление означает при этом последовательность отдельных целевых действий. Часто действие разными путями ведет к одной и той же цели, психологическое направление в этом случае остается неизменным, имеет место эквивалентность исходов целенаправленного поведения (см рис. 1.4). Очевидно, модель окружения была сконструирована в основном для решения шестой из выделенных нами основных проблем исследования мотивации, для объяснения целенаправленности поведения и мотивационного конфликта. Наряду с этим, как и модель личности, она предназначалась для объяснения влияния мотивации, но не ее смены и возобновления.

Использовавшиеся первоначально Левином понятия топологии не вполне удовлетворяли его, поскольку с их помощью можно оперировать лишь отношениями соседства, но не направлениями. Он попытался усовершенствовать их [К. Lewin, 1934], обратившись к "годологическим" (от греческого слова "hodos" - "путь") понятиям: пути действий представлялись как связи между областью, в которой в данный момент находится субъект, и областью цели. На рис. 5.4а показаны три различных пути достижения цели. Левин допускает, что среди возможных вариантов обычно существует своего рода "лучший" путь, которому отдается предпочтение, так как он требует пересечения наименьшего числа областей, т. е. представляется "кратчайшим". Короткость, или минимальность, психологического расстояния зависит не только от числа промежуточных областей. Пример с военным ландшафтом показывает, что независимо от числа областей минимальность может определяться степенью сложности прохождения отдельных областей, мерой необходимых усилий или размером грозящей опасности. В топологии не представлены ни направления, ни расстояния. Несмотря на все усилия Левина [К. Lewin, 1936; 1938; 1964а], вопрос о том, как можно определить и представить психологическое расстояние, остался нерешенным. Не разрешен он и до сих пор, хотя ответ на него (мы в этом еще убедимся) является важнейшей предпосылкой для определения интенсивности сил, исходящих от позитивной или негативной валентности и проявляющихся в различных областях поля.

Постдиктивность, а не предиктивность модели окружения

Данная модель, собственно, не объясняет и не предсказывает поведение, а лишь описывает, как оно осуществлялось: она не предиктивна, а постдиктивна. Модель предполагает существующими и известными все мотивирующие поведение переменные, а именно: с одной стороны, мотивирующие валентности в форме областей психологического поля, с другой - когнитивные структуры ожиданий, в качестве содержания которых выступают отношения средств и цели в соответствующих путях действия. Эти переменные в модели представлены в виде соседствующих областей и проходящих через них путей. Эвристическая плодотворность модели окружения определяется если не объяснением, то анализом условий поведения в относительно свободной ситуации. Представленные в модели данные позволяют проследить и вывести важные факторы в совокупном психологическом (т. е. задействованном в поведении) поле, такие, как силы, препятствия, пути действия, близость к области цели. Примерами тому являючися анализ ситуации поощрения и наказания [К. Lewin, 1931 а] и типология конфликта [К. Lewin, 1938; см. также гл. 4], а также воспроизведенная в табл. 5.1 простая таксономия направленности поведения. Как видно из таблицы, сочетание поиска или избегания (в зависимости от знака валентности) и особенностей локализации личности (в области валентности или в одной из соседних областей психологического поля) дает четыре основных типа направленности поведения.

Таблица 5.1

Таксономия направленности поведения

Локализация личности в поле:	Характер поведения:	
	поиск	избегание
Внутри области валентности (А)	(А, А) консумматорный	(А-А) бегство
Вне области валентности (В или С, D...)	(В.А) инструментальный	(В-А) уклонение

Можно привести примеры применения модели окружения при решении. очень широкого круга проблем, таких, как принятие решения при покупке продуктов питания [см.: D. Cartwright, L. Festinger, 1943; К. Lewin, 1943], социально-психологическое положение подростков [К. Lewin, 1939], групповое поведение в зависимости от стиля руководства [R. Lippitt, 1940], групповая динамика [К. Lewin, 1946b], групповые решения [К. Lewin, 1947], экологическая ситуация больших и малых школ и ее влияние на активность учеников [R. G. Barker, R. V. Gump, 1964] и многие другие. В отличие от модели личности модель окружающего мира не стала источником экспериментов в узком смысле. Причину, видимо, надо искать в том, что она предполагает довольно свободную ситуацию, условия которой не поддаются строгому контролю, как того требует эксперимент.

Представленная в модели окружения психологическая ситуация есть, по Левину, жизненное пространство субъекта Левин так характеризует это пространство:

"Психологическое окружение в функциональном отношении следует рассматривать, как одну из взаимозависимых частей поля, жизненного пространства, другой частью которого является сам субъект" [К. Lewin, 1951, p. 140]

Степень дифференцированности жизненного пространства соответствует уровню индивидуального развития, в анализе которого остроумно использовалась модель окружения.

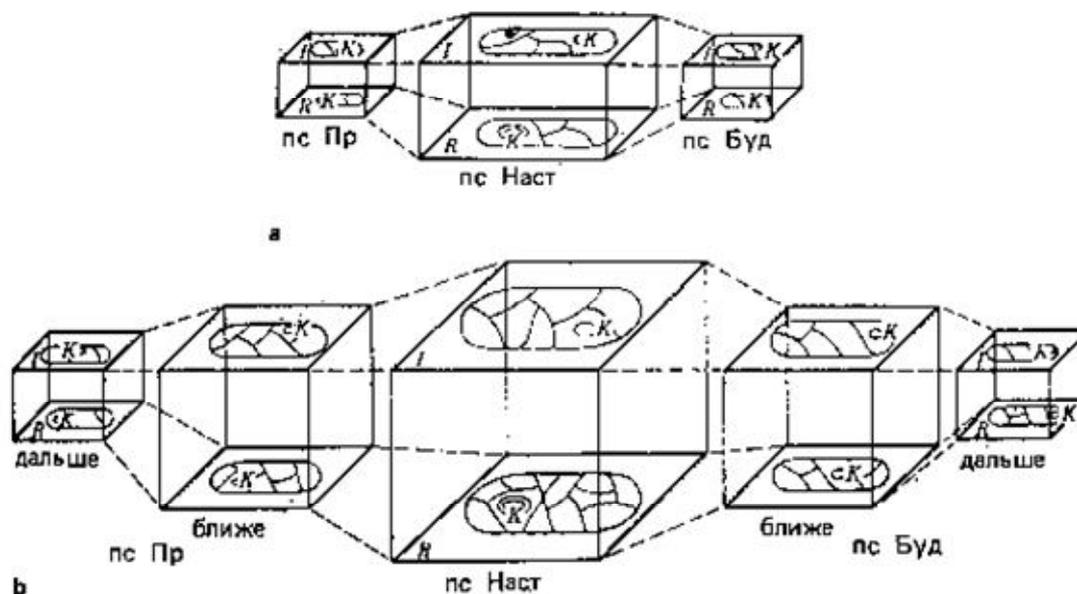

Рис 5.5 Дифференциация жизненного пространства на разных уровнях индивидуального развития, при которой учитывается временная перспектива (настоящее, прошлое, будущее) и двойственность реальности (реальное и ирреальное). (а) Жизненное пространство маленького ребенка, (б) - ребенка постарше. Пространство последнего более дифференцировано в трех отношениях по числу областей окружающего мира. диапазон временной перспективы и разграничению плоскостей реального и ирреального [K Lewin, 1946a, S 798]. К - ребенок, R- план реального, I - план ирреального, пс Пр - психологическое прошлое, пс Наст - психологическое настоящее, пс Буд - психологическое будущее

Аналогичный анализ с применением модели личности уже проиллюстрирован рис. 5.3. В модели окружения дифференцированность жизненного пространства возрастает по мере развития не только за счет числа областей, на которые распадается окружающий мир (см. рис. 5.5). Расширяется также временная перспектива [L. K. Frank, 1939] - психологическое будущее и прошлое, предвосхищение грядущих событий и воспоминание о прошедших.

Кроме того, в модели учитывается [J. F. Brown, 1933], насколько дифференцируются в когнитивной репрезентации жизненного пространства реальный и ирреальный планы действия. Состояние "материала" отдельных областей в плане ирреального, воображаемого, определялось как более "текущее", чем в плане реального. Уточненное благодаря введению понятий временной перспективы и степени реальности представление о жизненном пространстве стало исходным пунктом при анализе многих психологических феноменов, например так называемой детской лжи, снов, фантазий и игры [S. Sliosberg, 1934], продуктивности, креативности и способности к планированию [R. G. Barker, T. Dembo, K. Lewin, 1941], желаний, надежд, вины и раскаяния.

Отношения между двумя моделями

При создании модели окружения Левин столкнулся со сложными вопросами теории познания, прежде всего с тем, как должна решаться в этом случае психофизическая проблема. Ведь мы сами и окружающий нас мир даны себе лишь

феноменально и должны всё понять, опираясь только на это. Однако независимо от переживаемого нами существует реальный, т. е. непсихологический, физический мир (в том числе и наше собственное тело). События в этом мире подчинены не психологическим, а физическим законам. Через собственные действия мы можем влиять на физический мир, а он постоянно воздействует на феноменально данный психологический мир, скажем на восприятие. Вопрос о том, где осуществляется переход от одного мира к другому, затрагивает важнейшие аспекты психофизической проблемы. В своей модели Левин представлял непсихологический мир начинающимся в так называемых краевых точках жизненного пространства и обозначал их как "чужую оболочку". Как показывает рисунок 5.6, сюда относятся, по Левину, все так называемые "факты, которые не подчиняются психологическим законам", это физические и социальные явления (примером социальных могут служить действующие в той или иной стране законы).

Рис. 5.6. Жизненное пространство субъекта (P), в краевых точках которого начинается "чужая оболочка" не подчиняющихся психологическим законам фактов [К. Lewin, 1969, S. 90]

Вместе с тем Левин [К. Lewin, 1936] утверждал, что жизненное пространство складывается из психобиологических явлений. Это положение было введено с тем, чтобы выйти за рамки данного в сознании (феноменально), избежать феноменологической ограниченности и возможного упрека в том, что модель жизненного пространства носит чисто менталистский характер и в конечном счете строится только на данных интроспекции. Левин подчеркивает поэтому, что в модели жизненного пространства учитываются все влияющие на поведение факторы и определяющие его закономерности независимо от того, переживаем мы их или нет. Но отнесение жизненного пространства к явлениям психобиологического порядка оказалось лишь терминологическим обходом психофизической дилеммы [см.: О. Graefe, 1961].

Еще более очевидно эти трудности выступили при попытках соотнести между собой модели личности и окружения. В этом случае субъект уже не обозначается точкой или кружком, а представлен областями и пограничной зоной с функциями восприятия и исполнения. Примером такой попытки может служить рисунок 5.5. Поскольку психофизический переход должен охватывать процессы восприятия и действия, то краевые точки жизненного пространства следовало бы установить на пограничной зоне личности [см., в частности, обстоятельный разбор в кн.: R. W. Leeper, 1943, О. Graefe, 1961].

Эти модели несовместимы хотя бы потому, что их динамические компоненты (напряжения в модели личности и силы в модели окружения) не соответствуют друг другу. Говоря техническим языком, давления в емкостях противостоят распространяющемуся полю сил. В этом отношении и разделение на области - структурный компонент обеих моделей - имеет только поверхностное сходство. Соседству областей придается разное значение: в модели личности оно определяется близостью, в модели окружения - отношением средств к цели [см.: F. Heider, 1960].

Психологически значимым пунктом, в котором, однако, сходятся обе модели, является, как уже упоминалось, коварирующая связь состояния потребности личности (напряженная система) и валентности объекта, или области возможного действия в окружающем мире. Как пишет Левин

"До известной степени выражения "то-то и то-то составляет потребность" и "такая-то область структуры обладает требовательным характером, побуждая к таким-то действиям" эквивалентны. Изменению потребности всегда соответствует изменение требовательного характера вещей" [K Lewin, 1926b, S 355]

В связи с этим положением Левина встает вопрос: не являются ли потребность личности и валентность в ее окружении всего лишь двумя сторонами одного явления, т. е. всегда ли при наличии потребности имеет место и валентность, и наоборот, можно ли из существования валентности сделать вывод о наличии соответствующей потребности? Не следует ли в таком случае обратиться к причинно-следственным отношениям как к более подходящей формулировке? Если жизненное пространство представляет собой взаимозависимую систему, то наличие потребности должно повлечь за собой валентность соответствующих возможностей ее удовлетворения. И наоборот, имеющаяся валентность должна вызывать соответствующую потребность. Что касается второй зависимости, то Левин пришел к заключению, что потребность имеется всегда, когда существует валентность. Спорной была обратная зависимость. Ведь потребность может существовать без того, чтобы в окружающем мире уже имелись возможности ее удовлетворения, которые могут приобрести характер валентности. Впрочем, положение о создании потребностью соответствующей валентности можно было бы сохранить, если принять, что в ирреальном плане жизненного пространства существует представление о желаемом. Хотя Левин и не считал правомерным утверждение, что валентность создает потребность, он сделал шаг к его принятию, приписав валентности свойства, не зависящие от соответствующего состояния потребности, а присущие природе объекта. Так, например, пища независимо от наличия голода у того, кто ее видит, обладает различной степенью возбуждающей аппетит притягательности (феномен, которому посвятил большую часть своих исследований мотивации Янг). Таким образом, валентность (V_a) имеет, по Левину, два детерминанта. Она есть функция напряжения потребности личности (t , tension) и воспринимаемой природы целевого объекта (G , goal):

$$V_a(G)=F(t, G) \text{ [K. Lewin, 1938, S 106-107].}$$

Исходя из воспринимаемой природы валентного объекта (G) как одной из детерминирующих валентность переменных, Левин ввел в психологическое (или психобиологическое) жизненное пространство чужеродное тело G , будучи чужеродным фактором, относится к непсихологическим явлениям чужой оболочки. Таким образом, разбирая левиновскую модель окружения, мы снова столкнулись с психофизической дилеммой, т. е. со сложной проблемой описания перехода от жизненного пространства к чужой оболочке. Отношения между t и G также в полной мере не разработаны Левином [K. Lewin, 1938] в его теоретической работе, посвященной измерению психологических сил, взаимосвязи напряжения (модель личности) и этих сил (модель окружения). Поскольку t и G с самого начала не связаны между собой мультипликативно, то

действующие на личность в жизненном пространстве силы задаются одним только G без участия напряжения потребности t . Поэтому можно думать, что G производит в личности соответствующую напряженную систему (потребность) При этом сила валентности той области окружения, в которой находится G , в свою очередь, возрастает на определенную величину и соответственно увеличиваются силы поля. В таком случае между t и G существовала бы растущая связь, которая исходила бы не только от t , но и от G . G играла бы роль обобщенного понятия, описывающего потребностно-специфические условия окружающего мира, которые пробуждают соответствующую потребность и придают ей напряжение

Примером может служить экспериментальная ситуация, в которой экспериментатором ставится нелегкая интеллектуальная задача. Тем самым он как бы задает вопрос: достаточно ли у испытуемого способностей для решения этой задачи, или, в терминах модели окружения, достигнет ли субъект целевой области G (решение задачи)? Это создает потребностноспецифическое ситуационное побуждение - "квазипотребность достижения". Если бы Левин продолжил рассуждения в этом направлении, он непременно пришел бы к оставленной им без внимания четвертой из основных проблем мотивации. Он был бы вынужден заняться анализом условий побуждения той или иной области окружения с точки зрения мотива, чего, конечно, нельзя проделать без уточнения проблемы классификации мотивов (и, как следствие, измерения мотивов и выяснения их генезиса) Очевидно, сделать это Левину помешало предвзятое мнение, что проблема классификации мотивов связана с аристотелевским, а не галилеев-ским типом объяснения. В результате при обосновании побуждения мотива в теории мотивации Левина образовалась брешь, а само обоснование в основном свелось к следующему. Каким-то образом в личности возникает напряженная система (потребность или квазипотребность). Это напряжение индуцирует в окружении (при подходящих обстоятельствах) соответствующую валентность, которая, в свою очередь, создает в нем поле сил, побуждающее и направляющее поведение субъекта через соотнесение им средств и целей, через поиск возможных способов действия, ведущих к искомой области. Достижение целевой области ведет к удовлетворению потребности, напряженная система разряжается, валентность исчезает, а вместе с ней и поле сил, поведение как бы замирает.

Некоторые из идей Левина напоминают построения Халла и предвосхищают дальнейшее, послелевиновское развитие теорий. Представлению о путях действия как областях окружения, которые надо пройти для достижения целевого объекта, соответствуют понятия ожидания, например: халловская антиципирующая цель реакция ($rg - Sg$), толменовские связи "средства -намерение", ожидание, боллсовская связь $S - R^*$. Переменная G (а не валентность, как зависящая от t и G) эквивалентна понятию побуждения, например, у Халла и Спенса, нужности цели у Толмена, $S - S^*$ у Боллса, и мы снова столкнемся с этим понятием в концепциях мотивации побуждения (например, у Янга и Биндры), когда будем рассматривать их в этой главе.

Какое же место отведено валентности? По Левину, она является решающим детерминантом психологической силы (f , force), которая толкает или увлекает субъекта (P) к целевой области (G). Кроме того, психологическая сила $f_{P,G}$ зависит от относительного местонахождения субъекта и целевого объекта, т. е. психологического расстояния. Эту зависимость Левин не считает инвариантной. Во многих случаях с возрастанием психологического расстояния до целевой области (e , удаленность, er, e) интенсивность психологической силы, по-видимому, уменьшается. Об этом свидетельствуют наблюдения Фаянс [S. Fajans, 1933] грудных и малолетних детей. В своей формуле Левин [K. Lewin, 1938] учитывает эту особенность:

$$f_{P,G} = Va(G)/e_{P,G} = (t,G)/e_{P,G}$$

Определяемая таким образом психологическая сила обозначается теперь как сила мотивирования, или результирующая мотивационная тенденция. Эта тенденция в основном является функцией валентности как гипотетического конструкта в том виде, в каком его представил Левин. Мы увидим, что Левин сделал еще один шаг вперед, мультипликативно связав валентность с другим конструктом, так называемой потенцией (P_o , potency).

Потенция является компонентом модели, объясняющим ситуацию выбора. В понятийном отношении она определена недостаточно однозначно. В одних случаях потенция означает личностную значимость, в других - вероятность достижения различных конкурирующих целей. В последнем случае "действующая сила" определяется так:

$$\text{действующая сила} = Va(G) \times P_o(G)/e_{P,G}$$

Эта созданная в связи с проблемой становления уровня притязаний концепция непосредственно подводит нас к типу теорий, определяющих исследования мотивации сегодняшнего дня, - к теориям "ожидаемой ценности".

В той или иной связи критический анализ работ Левина осуществлялся не раз, теперь подведем итог. Главная заслуга Левина - в подробном разборе понятий с целью выработки конструктивных элементов теории мотивации. Основная слабость теории поля определяется тем, что в моделях личности и окружения можно представить и объяснить поведение лишь задним числом. Эта теория предоставляет немного возможностей заранее установить значимые в определенных случаях условия и сделать выводы о поведении, которого следует ожидать. Подобная слабость обусловлена недостаточной подкрепленностью теоретических построений поддающимися наблюдению предшествующими и последующими данными. Можно ли в каждом конкретном случае сказать что-то определенное о степени выраженности таких конструктивных элементов теории поля, как t или G , валентность, психологическое расстояние и сила? Или о структурированности средств и целей на различных путях действия? Насколько тщательно разработаны в теории поля отношения между гипотетическими конструктами, настолько в ней упускается из виду связь этих конструктов с наблюдаемыми явлениями. Этот недостаток становится особенно очевидным при сравнении с исследованиями теории научения и теории влечения.

Невнимание к индивидуальным различиям в диспозициональных переменных также нанесло ущерб, прежде всего, таким конструктам, как t и G . Роль особенностей ситуации (G) как побуждающих специфический мотив (t) осталась в результате вне рассмотрения. Кроме того, необходимость если не классификации, то хотя бы содержательного разграничения отдельных мотивов так и не была осознана. Остались неразобранными проблемы мотивационных диспозиций, связанные не только с классификацией (разграничением) мотивов, но и с их актуализацией, измерением и генезисом. Основное внимание в теории поля уделялось проблемам мотивации: ее смене и возобновлению, целенаправленности и конфликту, а также ее воздействию на поведение. При этом саморегулирующиеся промежуточные процессы мотивации не постулировались, что, видимо, объясняется невозможностью описать с помощью модели окружения, как на различных этапах действия возникает когнитивная репрезентация соответствующей ситуации.

Несмотря на свои недостатки, теория поля сыграла решающую роль в разработке понятийного аппарата теории мотивации. В противовес односторонности лабораторных исследований в ней были рассмотрены многообразные феномены мотивации психологии человека. Большое значение имело создание целого ряда экспериментальных парадигм, которые до сих пор уже совершенно независимо от теории поля стимулируют и обогащают исследования мотивации. К некоторым из них мы теперь обратимся...